

Вопросы жанрового своеобразия древнерусской агиографии в исследованиях отечественных медиевистов 1970–1990-х годов

Важным направлением в изучении древнерусской агиографии на протяжении длительного периода времени остается выявление жанрового своеобразия житий. Это вытекает из такой особенности литературы Древней Руси, как нечеткость жанровых границ, трудность в их определении, на что указывал еще Д. С. Лихачев. До сих пор не умолкают споры, связанные с жанровой дефиницией того или иного произведения.

Цель нашего исследования – наметить тенденции в изучении жанрового своеобразия древнерусской агиографии в работах отечественных медиевистов 1970–1990-х годов. Проследивая историю исследования житийной литературы, мы можем выявить динамику развития литературного процесса, эволюцию научной мысли.

Вышедший в 1970 году коллективный труд «Истоки русской беллетристики» [1] посвящен зарождению в древнерусской литературе жанров художественной прозы. В этой связи авторы обращаются, в частности, к анализу житий Древней Руси (главы написаны В. П. Адриановой-Перетц, Л. А. Дмитриевым и Н. С. Демковой).

В итоге ученые-медиевисты пришли к выводу, что процесс развития агиографии привел к появлению в XV веке остросюжетных житий, основанных на устном народном творчестве, персонажи которых сложны и своеобразны. Но последующая их обработка с устранением непривычных ситуаций, стремлением подогнать под канон привела к унификации произведений и устранению в них элементов сюжетности, занимательности. Однако появившееся в XVII веке «Житие» протопопа Аввакума представляет собой развернутое повествование с сознательным и продуманным распределением фабульного материала.

В исследовательской литературе подробно разрабатывались вопросы жанровой природы «Слова о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго». Так, М. А. Салмина [2] доказала, что «Слово» генетически восходит к летописной княжеской похвале.

М. Ф. Антонова [3] провела более подробное сопоставление памятника с похвалой и определила, что «Слово» возникло на пересечении двух литературных традиций – житийной и летописной княжеской похвалы.

Анализу жанровых особенностей агиографических произведений посвящена статья Л. А. Дмитриева «Жанр севернорусских житий» [4]. Исследователь выявляет в житиях севернорусских подвижников отклонения от жанровых канонов, обусловленные как влиянием устных традиций, так и развитием самой литературы: сюжетность, беллетристичность повествования, интерес к жизненной судьбе человека, к деталям, природе и др. Эти нарушения способствовали возникновению таких явлений, которые превращали названный жанр из церковно-служебного в литературно-художественный. В этом разрушении канонов, по мнению исследователя, и заключалось развитие жития как литературного жанра.

Более полно и глубоко Дмитриев развил свои идеи в монографии «Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII–XVII веков. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний» [5]. Основная цель ученого – проследить процесс преобразования памятников житийного жанра, по своему назначению церковно-служебных, в тексты сюжетно-повествовательные.

В результате проведенного анализа Дмитриев определил, что развитие житийного жанра как явления литературного происходило в борьбе двух тенденций: необходимости строго соблюдать требования житийного канона (официальная агиография) и неизбежности нарушений и отступлений от этих требований. На Русском Севере, где житийный жанр тесно соприкасался с устным народным творчеством, происходила его фольклоризация, возрастал сюжетный характер житий, что преобразовывало их в повествовательные произведения.

Цель работы П. В. Пятнова («О жанровой структуре Жития Варлаама Хутынского») [6] – показать особенности структуры житийного жанра, причины их возникновения и развития на примере конкретного памятника. Исследователь выявляет, что на построение данного жития оказали влияние его догматическая и легендарная части, а его жанр определяется совокупностью всех составляющих тематического содержания. В другой статье («К вопросу о жанровом своеобразии “Жития Александра Невского”») Пятнов, определяя жанровое своеобразие произведения, обращает внимание на его жанровую неоднородность и делает вывод, что оно – «интереснейший пример того, как новое идейное содержание вливается в традиционные формы жития: автор его, используя приемы воинской повести, формирует новое органическое целое» [7].

Р. П. Дмитриева в монографии «Повесть о Петре и Февронии» [8] наряду с прочими поднимает также важный вопрос о жанре данного произведения. Она подчеркивает, что содержание памятника выходит за рамки житийной тематики, отмечает его близость к фольклорной среде (сказкам, легендам) и западно-европейскому эпосу.

З. А. Гриценко (статья «О некоторых жанровых особенностях летописных произведений о княгине Ольге») [9] прослеживает основные этапы литературной истории произведений о княгине Ольге. Первыми в процессе становления жанров были устные легенды, которые отредактированными и обработанными были перенесены в летопись, и уже на их основе составлены повесть, похвала, поучение. Следующим этапом являются жития, вобравшие в себя ранее написанные и созданные в народе легенды о княгине и ставшие своеобразным литературным синтезом ее образа.

Предметом анализа Н. И. Пак (статья «Книжные источники и их идейно-художественная мотивировка в сюжетосложении повестей о князьях-мучениках») [10] стали жития о князьях-мучениках периода монголо-татарского ига, которые сопоставляются с более ранними произведениями. Ученый определяет, что повести о княжеских преступлениях и повести о князьях, погибших в Орде, связаны между собой как тематически, идейно, так и по форме: в них есть и текстуальные совпадения, и сюжетные параллели, и заимствования из одних и тех же источников. Но вместе с тем каждая из них отражает особенности того исторического момента, в который она была создана, каждая своеобразна в художественном отношении.

Л. К. Гаврюшина (статья «Из истории сербско-русских литературных связей») [11] проводит сравнение северно-русских житий XVI века (Александра Свирского и Александра Ошевенского) и «Жития Саввы Себрского» и выявляет сходства и отличия между ними. В итоге Гаврюшина выявляет, что в трудах сербских и древнерусских авторов наблюдается постепенное превращение агиографии в биографию, которое было следствием выхода житий за пределы церковного обихода к публике. В этом отразилась одна из общих закономерностей литературного развития Сербии и Руси.

Цель статьи А. Н. Власова «Идейно-стилистическое своеобразие устюжских и сольвычегодских житий XVII века» [12] – поставить вопросы о жанровом своеобразии этих памятников, типе литературного героя и художественных принципах его изображения. Исследователь заключает, что присутствие в стиле устюжских житий бытового, социального эле-

мента, а также исторического и фольклорного повествования было связано с общим процессом демократизации русской литературы, приведшей к трансформации агиографического жанра.

В статье «К вопросу об иерархии жанров в древнерусской литературе» [13] К. Д. Зеeman исследует особенности жанровой системы Древней Руси, продолжая тем самым линию Д. С. Лихачева, намеченную им в «Поэтике древнерусской литературы». Зеeman выявляет четкую структуру житий, в которые, в свою очередь, входили тексты различных жанров, связанных функционально. Эта область взаимодействия агиографии образовывала различные поджанры литературы и даже жанры живописи (иконы различных типов), что позволяет говорить об иерархической жанровой системе агиографии в литературе и искусстве Древней Руси.

В рассматриваемый нами период отмечается активное комплексное изучение житий в составе сборников различного типа, то есть непосредственно в их форме бытования. Так, Р. П. Дмитриева анализирует их структуру, тематику и сферу бытования на Руси в XV веке (статья «Четыре сборники XV века как жанр») [14]. О. В. Творогов дал краткий разбор сборников XII–XIV веков и перечислил содержащиеся в них оригинальные и переводные жития (работа «Древнерусские четыре сборники XII–XIV вв.») [15; 16].

Одним из ярчайших памятников древнерусской литературы, который выходит за рамки агиографического канона и потому всегда вызывает особый интерес исследователей, является «Житие» протопопа Аввакума.

Наиболее значительной работой по изучению творчества Аввакума в русском литературоведении 1970–1990-х годов явилась монография Н. С. Демковой «Житие протопопа Аввакума» [17]. В ней исследователь опровергает точку зрения В. Е. Гусева и В. В. Кожинова о том, что «Житие» можно считать «ранним образцом» романа в русской литературе. Гусев [18] и вслед за ним Кожинов [19] указывают целый ряд признаков, объединяющих произведение Аввакума с возникающим на Руси в XVII веке жанром романа: тяготение к «повседневному», «обыденному», изображение человека как средоточия общественных противоречий, линейная композиция и т. д. Демкова отмечает, что в «Житии» Аввакума отсутствует вымышленный герой, вымышленный сюжет, нет обособления автора от своего героя, нет художественного мира, являющегося созданием только творческого сознания писателя. Поэтому она предлагает в данном случае говорить о своеобразной «иллюзии романа». Эта литературная специфичность «Жития» объясняет тот факт, что идеи Авва-

кума стали осваиваться русской литературой только в период развития реалистической прозы.

В работе Л. Боевой «От жития к повести (формирование жанров в древнерусской и древнеболгарской литературах)» [20] проведено сопоставление житий протопопы Аввакума и Софрония Врачанского. Вначале исследователь подробно прослеживает историю жанра жития в древнерусской и древнеболгарской литературах.

Боева определяет, что между произведениями Аввакума и Софрония есть стилевая и жанровая общность, возникшая как результат сходных условий литературного развития России в XVII веке и Болгарии в конце XVIII – начале XIX веков. Оба автора резко нарушают каноны и преобразовывают агиографический жанр. «Житие» Аввакума стало первой в русской литературе автобиографией, оно завершает развитие житийного жанра и стоит у порога новой повествовательной литературы. Та же роль в Болгарии принадлежит «Житию и страданиям Софрония Врачанского».

Аввакум делает художественно-эстетическое открытие, превращая канонический жанр жития в социально-бытовую повесть. Точно так же Софроний превращает старый жанр в историко-психологическую повесть. Поэтому, по мнению Боевой, процесс формирования повести как жанра шел от житийной традиции через новаторские произведения Аввакума и Софрония.

Подводя итоги, следует отметить, что в трудах многих медиевистов предметом исследования становится жанровая форма произведений, не только выходящих за рамки житийной литературы, но и нарушающих ее каноны, являющихся примерами зарождения русской беллетристики. В этой связи предпринимаются попытки проследить важные этапы эволюции агиографии и ее последовательную трансформацию в жанры литературы Нового времени.

-
1. Истоки русской беллетристики (возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе). Л., 1970.
 2. Салмина М. А. Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского // ТОДРЛ. 1970. Т. 25.
 3. Антонова М. Ф. Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского: (Вопросы атрибуции и жанра) // ТОДРЛ. 1974. Т. 28.
 4. Дмитриев Л. А. Жанр севернорусских житий // ТОДРЛ. 1972. Т. 27.
 5. Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973.

6. Пятнов П. В. О жанровой структуре Жития Варлаама Хутынского // Филология. 1977. Вып. 5.
7. Пятнов П. В. К вопросу о жанровом своеобразии «Жития Александра Невского» // Вестн. МГУ. Сер. 9. 1979. № 1.
8. Повесть о Петре и Февронии / подг. текстов и исслед. Р. П. Дмитриевой. Л., 1979.
9. Гриценко З. А. О некоторых жанровых особенностях летописных произведений о княгине Ольге // Проблема жанров в русской литературе : сб. науч. тр. М., 1980.
10. Пак Н. И. Историческая основа повестей и житий о князьях, погибших в Орде в XII–XIV вв. // Художественно-документальная литература (история и теория). Иваново, 1984.
11. Гаврюшина Л. К. Из истории сербско-русских литературных связей (Житие Саввы Сербского и русские агиографы XVI в.) // Совр. славяноведение. 1985. № 1.
12. Власов А. Н. Идеино-стилистическое своеобразие устюжских и сольвычегодских житий XVII века // Стиль и время. Сыктывкар, 1986.
13. Зеeman К. Д. К вопросу об иерархии жанров в древнерусской литературе // Исслед. по древней и новой лит. Л., 1987.
14. Дмитриева Р. П. Четьи сборники XV века как жанр // ТОДРЛ. 1972. Т. 27.
15. Творогов О. В. Древнерусские четьи сборники XII–XIV вв. // ТОДРЛ. 1988. Т. 41.
16. Творогов О. В. Древнерусские четьи сборники XII–XIV вв. // ТОДРЛ. 1990. Т. 44.
17. Демкова Н. С. Житие протопопа Аввакума (творческая история произведения). Л., 1974.
18. Гусев В. Е. О жанре «Жития» протопопа Аввакума // ТОДРЛ. 1959. Т. 15.
19. Кожин В. В. Художественный смысл «Жития» Аввакума // Происхождение романа. М., 1963.
20. Боева Л. От жития к повести (формирование жанров в древнерусской и древнеболгарских литературах) // Русско-болгарский фольклор и литературные связи: В 2 т. Л., 1976. Т. 1.

Т. В. Мальцева
г. Санкт-Петербург

Формирование романых структур в русской литературе XVIII века: «маленький роман»

Русская проза XVIII века – явление необычайно сложное. Ее развитие не было плавным и эволюционным. Вектор ее движения определяли и «петровское наследство», и качество большого потока переводной литературы, и внутренняя организация литературного процесса, и мощный поток «частной» прозы – путешествий, записок, писем.